

ПРОИГРАЛИ ВСЕ, КРОМЕ ПРЕЗИДЕНТА

Итоги выборов во вторую Думу таковы, что нет ни одной серьезной политической партии, которая могла бы быть ими довольна. Фактически потерпели поражение все партии и все политические силы России.

Ясно, что проиграли демократы-западники — все вместе и каждый в отдельности. Наиболее очевиден проигрыш вроде бы самого перспективного демократического объединения Явлинского, которому не удалось выйти за пределы того небольшого участка электората, на котором топчутся и топчут друг друга все партии и группировки демократов.

Проиграл Черномырдин, ибо в естественном, совершенно не зависящем от личных планов премьера, «перетягивании каната» между ним и Ельциным собранные НДР 9,8 процента — это слишком мало для того, чтобы «правлящий класс» увидел в Черномырдине человека, который может стать главой «коалиции власти и богатства».

Проиграл Жириновский и русский национализм в целом, ибо неудача КРО, возглавляемого (фактически) Лебедем, выявила неспособность перспективного варианта «патриотизма» вытеснить его явно неперспективный вариант — ЛДПР. (Возможно, люди просто не поняли союза генерала с не совсем известными им политиками — Скоковым и Глазьевым?)

Вроде бы выиграли коммунисты, но по большому счету получить 22 или даже 25 процентов, когда социальное недовольство достигло пика и когда почти во всех посткоммунистических странах партии-преемницы компартий давно уже у власти — очень сомнительный успех.

Кто же выиграл? Может быть, выиграла российская демократия? Чтобы правильно ответить на этот вопрос, мы должны прежде всего четко осознать, что успех или неудача российской демократии — это нечто иное, чем успех или неудача «Демвыбора России» или даже всего «западнического» демократического лагеря. Условно мы можем представить наше политическое пространство в виде треугольника, где один «угол» (один вектор, одна точка притяжения) — это демократия западного типа. Два других «угла», может быть, ближе расположенных друг к другу, чем к «западническому», но отнюдь не совпадающих, — это «коммунистический» и «патриотический». В любой стране, у любого народа и у любого человека естественно наличие двух ориентации — вперед, к прекрасному будущему, и назад, к прекрасному прошлому. Так же естественно, что для любой страны, менее богатой и свободной, чем западные страны, временная ориентация на будущее становится отчасти пространственной ориентацией на Запад, который надо догнать или еще лучше — перегнать. Но у нас сейчас два разных прошлых — советское и царское, поэтому ориентация «назад» и «от Запада» у нас как бы «раздвоена», отсюда — наш российский «треугольник».

При этом, как показывает история последних десяти лет, силы всех трех ориентации примерно равны. Западники — культурнее, богаче, влиятельнее, сосредоточены в столице и крупных городах, и, если бы выборы проводились на основе какого-нибудь ценза, отсекающего бедных и необразованных, ДВР вполне мог бы быть правящей партией. Но при всеобщем избирательном праве

«западники» в целом, весь западнически-демократический лагерь — не более 30 процентов электората.

Правда, один раз «западники» вроде бы стали большинством — во время выборов президента России. Но это была совершенно особая, революционная ситуация, и реально западников среди голосовавших за Ельцина было столько же, сколько марксистов в Красной Армии времен гражданской войны. За Ельцина голосовали все, кому надоела советская власть, кто был против «мягкотелости» и «нерешительности» Горбачева, кто считал, что в СССР Россия ущемлена, а без него она станет мощным и, главное, —русским национальным государством. В «партии Ельцина» тогда были и Ружков, и Константинов, и Стерлигов... В то время «западники» смогли использовать настроения подавляющего большинства, но и тогда они составляли дай бог 30 процентов, как и сейчас. Поэтому победа их была в значительной мере «пирровой» — вскоре Ельцин стал смещаться к центру «треугольника», изгнав наиболее ярких и одиозных западников. И даже при этом, чтобы удержать власть, правящей группировке пришлось совершить вооруженный переворот и принять Конституцию, ни в какой западной стране не мыслимую (что-то похожее было, наверное, во Франции при «принце-президенте» Луи Бонапарте).

Таким образом, если российская демократия и российские «демократы-западники» — это одно и то же, то демократия в России в исторически обозримой перспективе просто невозможна: 30 процентов в условиях демократии не могут править «по определению». В такой ситуации возможна или крайне непрочная демократия, которая держится на том, что недемократическое большинство разделено на ненавидящие друг друга партии, для каждой из которых демократия все же лучше, чем перспектива быть в тюрьме или на виселице в случае победы одной из них, или — слегка прикрываемая демократическим флером «бонапартистская» диктатура. То, что у нас сейчас, — это и есть какая-то комбинация первого и второго.

Но перспектива российской демократии — это не перспектива расширения «западнического» электората. Она совсем в другом — в демократической трансформации всего нашего «треугольника», в постепенном принятии всеми основными участниками политического процесса демократических правил игры. Укрепление демократии на Западе тоже было связано не с тем, что французские республиканцы стали получать на выборах сперва 50, потом 70, а потом 99 процентов голосов, а с тем, что изначально антидемократическая французская правая (католики и монархисты) и французская левая (социалисты, потом и коммунисты) части сейчас представлены партиями, о которых все знают, что, придя к власти, они не начнут сажать в тюрьму своих политических противников и их не придется потом выбивать силой. И сейчас в Польше победа «посткоммуниста» Квасьневского над «демократом» Валенсой — это победа демократии. И на Украине победой демократии было поражение Кравчука, поддерживаемого Рухом, от Кучмы, которого поддерживали коммунисты.

Надежда и будущее демократии в России — это не фантастическая перспектива Магаданской области, голосующей за Гайдара, а совсем иная и более реальная перспектива. Демократия в России победит тогда, когда к власти придет политик, вышедший из коммунистического или патриотического «углов», который сможет создать широкую коалицию, охватывающую не только те 30 процентов, которые «сидят» в этом углу, и который убедит общество, что «социалистической революции» не произошло и гитлеровской диктатуры тоже не возникло, и этот политик в положенный срок пойдет на выборы. Ведь главное препятствие для прихода к власти коммунистов и патриотов — это страх

получить их «на всю оставшуюся жизнь». Зюганов отлично понимает, что приход к власти, допустим, Жириновского для него — куда хуже, чем сохранение теперешнего «оккупационного режима». И то же самое, наверное, думает Жириновский про Зюганова.

Идет ли трансформация патриотического и коммунистического «углов» нашего треугольника, что говорят об этом результаты выборов?

Те, кому дорога демократия в России (а не власть «демократов»), должны радоваться, что коммунисты согласились на многообразие форм собственности и что они стремятся к демократическому преобразованию нашей авторитарной Конституции, созданной, между прочим, демократами-западниками. Но демократическая эволюция КПРФ — значительно труднее, чем эволюция коммунистов других посткоммунистических стран. Идеология и политика КПРФ — это поразительная мешанина, коктейль из марксизма и русского традиционализма (чего стоит один плакат КПРФ с изображением юродивого с крестом!), крики об оккупационном режиме и суетливые попытки объяснить «новым русским» и «американским империалистам», что эти крики не надо воспринимать всерьез... Мне думается, что скоро эта гремучая смесь взорвется и анпи-ловский раскол — далеко не последний. Может быть, тогда и возникнет какая-то действительно перспективная форма «посткоммунизма». Пока же зюгановский коммунизм до прихода к власти демократическим путем «не дорос», и русским Квасьяневским Зюганову, к сожалению, не быть...

Не произошло глубоких, принципиальных изменений и в патриотическом «углу». И опять-таки те, кому дорога демократия в России, должны не радоваться, а печалиться по поводу неудачи КРО, который под руководством Лебеда теоретически мог сделать то, что так нужно стране и демократии — создать широкую коалицию, способную отстранить нынешнюю власть, но отстранить так, чтобы это не означало ликвидации демократических завоеваний. Итак, сколь-либо значительным шагом вперед выборы 17 декабря не стали. Они не выявили ни какой-либо «западнической» политической силы, способной бороться не только на узком пространстве «демократического» электорального пятка (роль, на которую претендовал Явлинский), ни значительных демократических сдвигов в коммунистической и патриотической частях электората.

Кто же выиграл? Выиграл Ельцин. Его главный соратник-соперник, олицетворяющий «более человеческое» лицо правящего класса Черномырдин, и его наиболее перспективные соперники — Явлинский и особенно Лебедь — хороших результатов не получили (поражение КРО — настолько большой и настолько неожиданный «подарок судьбы» Ельцину, что это даже несколько подозрительно). Перед Ельциным открылось колоссальное поле для маневров и игры на всеобщем страхе друг друга. Сейчас легче и отменить президентские выборы (Запад расстроится, но простит, и наши напуганные западники простят). Но, пожалуй, на них можно и пойти. Ведь на выборах можно победить двумя путями — можно победить потому, что тебя любят, и можно — потому, что тебя ненавидят меньше, чем твоего противника. Если представить себе, что во второй тур неких выборов проходят два кандидата — Гитлер и Муссолини, все демократы, христиане, социалисты, коммунисты должны дружно идти и голосовать за Муссолини. У нас теперь вырисовывается чем-то схожая ситуация. Если, например, во второй тур пройдут Ельцин и Жириновский или даже Ельцин и Зюганов, вполне представима картина, когда и Горбачёв, и Явлинский, и Лебедь рано утром придут голосовать за Ельцина. Более того, в первом случае за него проголосует и Зюганов, а во втором — Жириновский.

Мы имеем то, что «заслужили». Наше общество, как показали выборы, не переросло теперешний строй «вялого авторитаризма». Нас ждет все то же — закулисная политика, борьба клик за влияние при дворе, бегство капиталов и отсутствие иностранных инвестиций, та неустойчивая стагнация, когда судьба страны зависит от развития ише-мической болезни сердца. Мораль же всего этого,

как всегда, можно найти в русских народных пословицах. «Поспешишь — людей насмешишь» (это про демократов в 1990—91 гг.). «Не рой яму другому — сам в неё попадешь» (это — про нашу Конституцию). А самая универсальная пословица, к сожалению: «Выше лба уши не растут».